

Генри Джеймс

Зверь в чаще

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генри Джеймс**
Зверь в чаше / Генри Джеймс – М.: Книга по Требованию, 2012. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2836-3

Сюжет «Зверя в чаше» представляет собой ироническое переосмысление как «готической» прозы, так и приключенческой литературы. На месте традиционного привидения или экзотического зверя в рассказе Джеймса оказывается фантом сознания. Джона Марчера, как ему кажется, поджидает некий Зверь — символическое чудовище, готовящееся к сокрушительному прыжку из джунглей...

ISBN 978-5-4241-2836-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Генри Джеймс
ЗВЕРЬ В ЧАЩЕ
(рассказ)

Вряд ли существенно, чем были вызваны слова, поразившие его при их случайной встрече, — возможно, каким-нибудь замечанием, им же самым оброненным, когда, возобновив знакомство, они, то и дело останавливаясь, медленно прохаживались по комнате. Марчер гостил у друзей вместе с целой компанией общих знакомых, в чем многолюдстве, как в любой толпе, он, по твердому своему убеждению, совершенно стушевывался; эти-то друзья и затащили его часа два назад на званый завтрак в Везеренд, где теперь жила она. После трапезы гости разбрелись кто куда — завтрак, собственно, для того и был затеян, чтобы приглашенные могли полюбоваться своеобразием самого Везеренда и его сокровищами: собранием картин, семейных реликвий, творений всех видов искусства, доставивших этому поместью немалую славу; комнаты были так просторны и многочисленны, что гости не мешали друг другу, кто хотел, тот отделялся от общего роя, а особенно ревностные любители самозабвенно предавались таинственным сопоставлениям и обмерам. Были и такие, что, в одиночку или парами, склонялись над каким-нибудь предметом в укромном углу и, упираясь ладонями в колени, помахивали головой, точно в нос им ударял необычайно острый запах. Если их было двое, они либо сливали воедино возгласы восторга, либо растворялись в молчании, еще более многозначительном, так что Джону Марчеру стало мерещиться, будто он пришел на «беглый осмотр», который всегда предшествует широко объявленному аукциону и, судя по обстоятельствам, разжигает или, напротив того, совсем гасит мечту о покупке. Но в Везеренде мечты о покупках были ни с чем не сообразны, поэтому Марчер, смущенный подобными мыслями, почувствовал себя равно неловко и среди тех, кто знал слишком много, и среди тех, кто не знал ничего. Огромные залы обрушили на него чрезмерный груз поэзии и истории, и, чтобы установить с ними достойную связь, он решил побродить в одиночестве, хотя, надо оговориться, поведение его при этом отличалось от повадок иных гостей, которые так разлакомились, что их вполне можно было уподобить псам, обнюхивающим буфет. Решение Марчера довольно быстро привело к исходу, который невозможно было предугадать заранее.

Короче говоря, оно привело его в тот октябрьский день к более близкому знакомству с Мэй Бартрем,¹ чье лицо, скорее помнившееся, чем памятное, поначалу будило в Марчере лишь смутно-приятные мысли, когда он взглядывал на нее через разделявший их длинный стол. Это лицо было связано с каким-то забытым начальным впечатлением. Марчер отдавал себе в этом отчет и приветствовал продолжение, хотя не мог вспомнить, чего именно; ему было тем более интересно или, скажем, занятно, что без явного подтверждения со стороны молодой женщины он догадался: она связующей нити не утратила. Да, не утратила, но не отдаст Марчеру, пока он сам не протянет руку; догадался он и о многом другом, и это было тем примечательнее, что, когда коловращение гостей свело их лицом к лицу, он все еще не мог отделаться от мысли о незначительности их прошлого знакомства. Но если оно было так незначительно, как объяснить его нынешнее ощущение, говорящее как раз о противном? Ответ напрашивался сам собой: при той жизни, которую все они, видимо, ведут сейчас, вещи следует принимать, не вникая в их смысл. Марчер был убежден — а почему, он и сам не

знал, — что молодая женщина живет в этом доме на положении, грубо говоря, бедной родственницы, что она не кратковременная гостья, а составная, даже рабочая, оплачиваемая часть всего механизма. Ей, надо полагать, оказывают здесь покровительство, а она рассчитывается за него, среди прочих услуг взяв на себя роль проводника докучных посетителей, которых надо водить по дому, и все им показывать, и отвечать на вопросы, когда что построено, и какого стиля те или иные предметы обстановки, и чьей кисти та или иная картина, и какие комнаты облюбованы привидениями. Не о том, конечно, речь, что кто-нибудь осмелится дать ей на чай — такое, глядя на нее, и представить себе немислимо. И все-таки она неспешно направилась к нему — безусловно красивая, но старше, много старше, чем тогда, в прошлом, — может быть, как раз потому, что почувствовала: за последние несколько часов он посвятил ей больше мыслей, чем всем остальным, вместе взятым, и, таким образом, уловил истинную суть дела, которую другие по своей тупости проглядели. Да, *она* живет здесь на условиях куда более жестких, чем все прочие; она живет здесь из-за всего, постигшего ее за прошлые годы, и при этом помнит его, как и он ее, только гораздо лучше. Когда наконец они обменялись первыми словами, вокруг не было ни души, их друзья ушли из этой комнаты, где, кстати, над камином висел отличный портрет и особую прелесть всему придавал их молчаливый сговор отстать от других для беседы с глазу на глаз. Впрочем, по счастью, прелесть была и во многом другом — в Везеренде, пожалуй, любой закоулок стоил того, чтобы в нем задержаться. Прелесть была и в том, как, угасая, осенний день глядел в высокие окна, и в том, как багряные лучи, выбившись на закате из-под нависших угрюмых туч, широкой полосой проникали в комнату, и в том, как они играли на старинных стенных панелях, на старинных шпалерах, на старинной позолоте, на старинных потемневших красках. А всего более, вероятно, в том, как Мэй Бартрем подошла к нему: поскольку ее обязанностью было водить по дому людей скромного пошиба, Марчер при желании вполне мог бы приписать ее сдержанное внимание обычному в Везеренде ритуалу и таким образом свести их встречу на нет. Но едва она заговорила, как брешь заполнилась, все связалось воедино, и сразу потеряла остроту легкая ирония, сквозившая в ее интонациях. Он буквально ринулся в разговор, только чтобы опередить Мэй Бартрем.

— А мы с вами тысячу лет назад встречались в Риме. Я все отлично помню.

Она не скрыла легкого разочарования — у нее и сомнений не было, что он забыл, — и тогда, чтобы доказать ее неправоту, Марчер начал сыпать подробностями; стоило к ним воззвать, и они мгновенно возникали. Теперь к его услугам были ее лицо, ее голос, и под их воздействием произошло чудо, подобное тому, которое совершает в руках фонарщика факел, зажигая один за другим длинный ряд газовых фонарей. Марчер не без самодовольства полагал, что освещение получилось отменное, но, по правде говоря, был весьма доволен, когда с мягкой насмешкой она объяснила, как много он напутал и, торопясь все расставить по местам, почти все разместил наобум. Встретились они вовсе не в Риме, а в Неаполе, и не семь лет назад, а без малого десять. И была она там не с тетушкой и дядей, а с матерью и братом; вдобавок ко всему, *он* приехал туда из Рима с Бойерами, а не с Пемблами — на этом она, к некоторому его смущению, особенно настаивала и тут же доказала, что права: Бойеров она тогда уже знала, а Пемблов нет, хотя и слышала о них, меж тем представили их друг другу как раз

те люди, в чьем обществе он находился. И под ту страшную грозу, которая так разбушевалась, что им пришлось прятаться в каких-то раскопках, они попали не возле Дворца Цезарей,² а в Помпеях, куда приехали по случаю очень интересной археологической находки.

Марчер принял ее поправки, порадовался ее уточнениям, хотя мораль их сводилась к тому, что, *по сути* — она это подчеркнула, — он ровным счетом ничего о ней не помнит, но приуныл, когда истина восторжествовала и разговор, в общем, иссяк. Тем не менее они не спешили расстаться (она — пренебрегая своими обязанностями, так как уже не имела права на Марчера, поскольку он оказался столь сведущим, оба они — пренебрегая домом) и выжидали, не осенят ли их еще какие-нибудь воспоминания. Как игроки, открывающие свои карты, они за считанные минуты выложили все, что помнили, и тогда-то обнаружилось: колода, к несчастью, не полна, прошлое, вызванное, выманенное, облакканное, дало им, натурально, только то, что в себе содержало. А содержало оно встречу ее, двадцатилетней, с ним, двадцатипятилетним, и они без слов как бы признались друг другу, что всего труднее понять, почему это прошлое, озаботившись их встречей, не озаботилось хоть чем-нибудь ее наполнить. Они смотрели друг на друга как бы с ощущением упущенного случая: насколько богаче было бы настоящее, если бы то далекое в чужой стране не оказалось таким нелепо-скудным! В итоге оно, очевидно, вмещало не больше десятка пустяковых событий, слегка их обоих затронувших: тривиальностей, обычных для юности, простодушного вздора, обычного для непосредственности, глупостей, обычных для неведения, крохотных зерен возможного, зарытых слишком глубоко, так глубоко, что, не правда ли, им уже не пустить ростков после стольких лет... Марчер твердил себе, что ему следовало бы оказать ей в ту пору какую-нибудь услугу — например, спасти с тонущего в Неаполитанском заливе парохода или хотя бы вернуть дорожный несессер, украденный в Неаполе прямо из коляски *lazzarone*³ со стилетом за поясом! А как было бы мило, если бы он заболел лихорадкой и лежал один как перст в гостинице, а Мэй Бартрем приходила бы и ухаживала за ним, и писала бы письма его родным, и ездила с ним, выздоравливающим, на прогулки! *Вот тогда* у них был бы в руках козырь, которого их нынешней игре явно недостает. И все же эта игра сама по себе была так хороша, что не хотелось ее портить, поэтому еще несколько минут ушло на беспомощно-недоуменные вопросы — как могло случиться, что при довольно многочисленных общих знакомых они до сих пор были разъединены? Этого слова ни он, ни она не произнесли; но, медля и медля догнать остальных, они как бы отказывались признать, что игра проиграна. Туманные догадки, почему им не довелось встретиться раньше, лишний раз подчеркивали, до чего мало они знают друг о друге. И наступила минута, когда у Марчера по-настоящему сжалось сердце. Смешно прикидываться, что она старый друг, если никакой общности у них нет. При этом он чувствовал, как хорошо она подходит ему в роли именно старого друга. Новых было хоть отбавляй — к примеру, в том доме, где он сейчас гостил, но будь она из их числа, он, скорее всего, даже не взглянул бы на нее. Как ему хотелось придумать что-нибудь романтическое, из ряду вон выходящее, и потом притвориться вместе с нею, будто они *в самом деле* пережили это событие. Попирая законы времени, он старался придумать подходящую историю, мысленно говоря себе, что, если ничего не изобретет, этот подступ к продолжению окажется обыкновенным и непригляд-

ным тупиком. Они разойдутся в разные стороны, и нового шанса у них уже не будет. Их нынешняя попытка окончится крахом: И тогда, в этот поворотный миг — так мысленно называл его потом Марчер, — она прибегла к последнему средству, все взяла в свои руки и спасла положение. Стоило ей заговорить, и он понял, что до сих пор она сознательно не касалась этой темы, надеясь, что и не придется коснуться, — деликатность, глубоко его тронувшая, когда несколькими минутами позже он смог по достоинству ее оценить. Так или иначе, слова Мэй Бартрем все прояснили, утраченное звено нашлось — то самое звено, которое Марчер с таким загадочным легкомыслием ухитрился потерять.

— Знаете, вы однажды рассказали мне кое-что о себе, я запомнила наш разговор и потом часто-часто думала о вас. День был невыносимо душный, и мы по заливу отправились в Сорренто подышать прохладой. Вы сказали мне это на обратном пути — мы сидели под тентом на палубе и наслаждались ветерком. Не помните?

Он не помнил и был удивлен еще больше, чем сконфужен. Но важнее было другое: речь, несомненно, шла не о «признании в нежных чувствах». У женского тщеславия долгая память, но Мэй Бартрем не собиралась взыскивать с него за какой-то комплимент или бестактность. Будь на ее месте другая, иного склада женщина, Марчер, возможно, даже испугался бы — вдруг ему собираются напомнить о совсем уже дурацком «предложении». А сейчас, признавая, что начисто забыл, он ощущал это как потерю, не как выигрыш, сразу уловив скрытую значительность ее слов.

— Пытаюсь вспомнить, но не могу. Хотя и не забыл того дня в Сорренто.

— Не уверена в этом, — помолчав, заметила Мэй Бартрем. — И даже не уверена, надо ли мне хотеть, чтобы вы вспомнили. Ведь это ужасно — насильно возвращать человека к тому времени, когда он был на десять лет моложе. Если вы уже переросли это — что ж, тем лучше.

— Если не переросли *вы*, почему должен был перерасти я? — спросил он.

— Не переросла себя, какой была тогда? Вы это хотите сказать?

— Нет, меня, каким был тогда я. Что ослом, это ясно, — продолжал Марчер, — но вот какого сорта? Вы ведь имеете в виду что-то определенное, так уж скажите мне, не оставляйте в неведении.

Она все еще колебалась.

— Но если вы уже совсем не такой?...

— Тем легче я перенесу ужасную правду, Впрочем, скорее всего, такой же.

— Скорее всего. Хотя, пожалуй, — продолжала она, — вы бы тогда помнили. Само собой, *мое* впечатление о вас совсем не совпадает с вашим уничижительным определением. Покажись вы мне глупым, — пояснила она, — я сразу бы забыла обо всем. Это касалось вас. — Она подождала, как бы давая ему время вспомнить, но он ответил ей непонимающим взглядом, и тогда она сожгла свои корабли: — Оно уже случилось?...

И тут в его сознании словно вспыхнул свет; Марчер продолжал пристально смотреть на нее, а кровь медленно прилиwała к его лицу, опаленному догадкой.

— Значит, я сказал вам?... — И не договорил — что, если он ошибается, если понапрасну выдает себя?

— Это касалось вас и не могло не запомниться, если, конечно, запомнились вы сами. — Она опять улыбнулась. — Поэтому я и спрашиваю: то, о чем вы го-

ворили, уже произошло?

Да, теперь Марчеру все было ясно, но он не мог опомниться от удивления, онемел от неловкости. И видел: заметив его смущение, она огорчилась, словно, напомнив ему о прошлом, совершила бестактность. Но уже через несколько секунд он понял: при всей неожиданности вопрос ее не был бестактен. Более того, едва Марчер пришел в себя от легкого остоленения, как, неведомо почему, почувствовал сладость причастности Мэй Бартрем. Она одна делит с ним это, делит уже столько лет, меж тем как сам он непостижимым образом запомнил, что когда-то шепнул ей свою тайну. Не удивительно, что их встреча не была встречей посторонних людей!

— Полагаю, — сказал он наконец, — мне понятно, о чем вы говорите. Только, как это ни дико, у меня совершенно выпало из памяти, что в своей откровенности с вами я зашел так далеко.

— Наверное, потому, что очень многих посвящали в это?

— Никого не посвящал. Ни единой души с тех пор.

— Значит, я одна знаю?

— Одна на целом свете.

— Я тоже никому не говорила, — с живостью подхватила она. — Никому, никому не рассказывала о вас. — И так на него посмотрела, что он безоговорочно ей поверил. Они обменялись взглядом, не оставлявшим сомнений. — И никому не расскажу.

Горячность ее тона, даже немного чрезмерная, совсем его успокоила: о насмешке нет и речи. И вообще все это было еще неизведанным наслаждением — неизведанным до той минуты, пока Мэй Бартрем не оказалась причастной. Если нет привкуса иронии, значит, есть сочувствие, а его-то Марчер и был лишен долгие-долгие годы. И еще он подумал, что нынче уже не мог бы открыться ей, но, пожалуй, может извлечь утонченную радость из той давней случайной исповеди.

— И не рассказывайте, прошу вас. Нам больше никто не нужен.

— Ну, если не нужен вам, мне-то и подавно! — рассмеялась она. Затем спросила: — Значит, вы теперь чувствуете то же самое?

Интерес ее был подлинный, не признать этого он не мог, и принял как некое откровение. Столько лет он считал себя беспросветно одиноким, и вот, подумать только, это неправда! Не одинок и ни секунды не был одиноким с того самого дня, когда они вместе плыли по Неаполитанскому заливу! Одинока была *она* — так, глядя на нее, чувствовал Марчер, одинока из-за его постыдной неверности. Рассказать о том, о чем рассказал он, — это ведь равнозначно просьбе! И она в своем милосердии эту просьбу исполнила, а он даже не поблагодарил ее хотя бы мысленно, хотя бы ответной памятью сердца, если уж им не случилось снова встретиться! Попросил же он вначале только об одном: не поднимать его на смех. И она великодушно не высмеивала целых десять лет, не высмеивает и сейчас. В каком же он безмерном долгу у нее! Лишь поэтому ему необходимо уяснить себе, каким он тогда предстал перед ней.

— Но как все же я описал?...

— Свое ощущение? Ну, очень просто. Вы сказали, что с юных лет всеми фибрами чувствуете свою предназначенность для чего-то необыкновенного, разительного, возможно даже — ужасного, чудовищного, и что рано или поздно

ваше недоброе предчувствие сбудется, в этом вы убеждены, и, быть может, то, что случится, сокрушит вас.

— По-вашему, это «очень просто»? — спросил Марчер.

Она на мгновение задумалась.

— Возможно, мне потому так показалось, что, когда вы говорили, я очень хорошо понимала вас.

— Понимали? — взволнованно переспросил он.

И снова она пристально и ласково посмотрела ему в глаза.

— Вы все так же убеждены?

— Бог мой! — беспомощно воскликнул он. У него не хватало слов.

— Значит, как бы это ни назвать, пока что оно не произошло, — уточнила она.

Уже безоговорочно сдавшись, он покачал головой.

— Пока не произошло. Только *поймите*: я вовсе не должен что-то *сделать*, совершить, чем-то отличиться, заслужить восхищение. Пусть я осел, но не до *такой* же степени. А жаль: мне, безусловно, было бы легче.

— Значит, должны что-то претерпеть, так я вас поняла?

— Скажем, должен ждать, встретить лицом к лицу, увидеть, как оно вломится в мою жизнь и, кто знает, навеки уничтожит мое сознание или даже меня самого, а возможно, только все перевернет, подрубит под корень мой сегодняшний мир и предоставит мне расхлебывать последствия, любые последствия.

Она напряженно слушала, глаза ее блестели, но насмешки в них по-прежнему не было.

— А чувство, которое вы описали сейчас, не может быть ожиданием или даже обычной для многих боязнью любви?

Марчер задумался.

— Вы и тогда спрашивали меня об этом?

— Нет, тогда я еще не чувствовала себя с вами так непринужденно. А сейчас мне вдруг пришло это в голову.

— Не могло не прийти, — помолчав, сказал он. — Не могло не приходиться в голову и *мне*. Вполне вероятно, что только это и припасено для меня в будущем. Но, понимаете ли, какая штука, — продолжал он, — будь это так, я уже знал бы.

— Потому что уже любили? — И когда он молча поглядел на нее, продолжала: — Любили, и любовь оказалась вовсе не таким крутым поворотом, не таким огромным событием?

— Да вот, я перед вами. Она меня не сокрушила.

— Значит, это была не любовь.

— Как вам сказать... Мне по крайней мере казалось, что любовь. Я так считал, считаю и поныне. Это было приятно, чудесно, мучительно, — объяснил он. — Но не сверхобычно. Не то событие, которое ждет *меня*.

— Вы хотите чего-то исключительно вашего, такого, чего ни с кем не случается, *никогда* не случилось?

— Не в том дело, чего «хочу» я. Видит бог, я не хочу ничего. Дело в недобром предчувствии — оно держит меня за горло, оно *во мне*.

Марчер произнес это с провидческой убежденностью, которая не могла не произвести впечатления. Не возникни у Мэй Бартрем интереса прежде, он возник бы сейчас.

— Может быть, это ощущение, что вам грозит какое-то насилие?

И опять было очевидно, что он рад возможности выговориться.

— Нет, мне не кажется, что это случится — когда случится — обязательно как нечто насильственное. Скорее, как нечто естественное и, разумеется, не оставляющее сомнений. *Оно* — так я мысленно называю это — будет выглядеть совершенно естественно.

— Какая же в нем будет сверхобычность?

— Для *меня* никакой, — поправил себя Марчер.

— А для кого?

— Ну, хотя бы для вас. — Тут он наконец улыбнулся.

— Значит, я буду при этом?

— А вы *уже* при этом — с того дня, как узнали.

— Понимаю. — Она обдумывала его слова. — Я хотела сказать — буду при катастрофе?

На несколько минут их легкий тон уступил место глубокой серьезности. Они обменялись долгим взглядом, который как бы соединил их.

— Это зависит только от вас — захотите ли вы быть вместе со мной на страже.

— Вам страшно? — спросила она.

— Не оставляйте меня одного *теперь*, — проговорил он.

— Вам страшно? — повторила она.

— Вы считаете, что я просто спятил? — сказал он вместо ответа. — Эдакий безобидный маньяк.

— Нет, — сказала Мэй Бартрем. — Я вас понимаю. Верю вам.

— То есть чувствуете, что у моей одержимости — ох, уж эта одержимость! — может быть, есть реальные основания?

— Да, реальные основания.

— И вы *согласны* быть на страже вместе со мной? Она поколебалась, потом в третий раз спросила:

— Вам страшно?

— Говорил я вам об этом... в Неаполе?

— Нет, тогда об этом речь не заходила.

— Потому что я и сам не знаю. А как бы *хотел* знать! — сказал Джон Марчер. — Так это или не так, скажете мне вы. Если согласитесь быть вместе со мной на страже, вы увидите сами.

— Что ж, согласна. — Они уже подошли к дверям, но остановились у порога, словно скрепляя печатью свой договор. — Я буду на страже вместе с вами, — сказала Мэй Бартрем.

Она знала, знала, но не высмеяла, не предала его, и между ними почти сразу установились довольно короткие отношения, которые еще больше упрочились, когда, через год без малого после разговора в Везеренде, у них появилась возможность встречаться чаще. Возможность эту им дала смерть двоюродной бабки Мэй Бартрем, той самой, под чьим крылом она, лишившись матери, нашла столь надежное прибежище; престарелая леди была всего лишь овдовевшей матерью нового владельца, унаследовавшего поместье, но благодаря редкостной сановитости и редкостно-крутому нраву сохранила положение главы этого знатного семейства. Низвести упомянутую леди с престола удалось только смерти, которая, среди прочих перемен, изменила обстоятельства и Мэй Бартрем, чья подневольность и раненая, но присмирившая гордость не ускользнули от чуткой наблюдательности Марчера. Давно уже ничто так не умиротворяло его душу, как мысль, что мисс Бартрем может теперь обзавестись в Лондоне своим гнездом и раны ее постепенно затянутся. На небольшие средства, которые покойная оставила ей по головоломно-сложному завещанию, она позволила себе роскошь купить домик, что потребовало, разумеется, времени и, когда дело подошло наконец к благополучному завершению, тотчас сообщила об этом Марчеру. Он и раньше виделся с ней — мисс Бартрем наезжала в Лондон, сопровождая ныне покойную леди, а Марчер еще раз приехал в гости к тем друзьям, которые так удачно превратили Везеренд в одну из приманок своего радушия. Они снова повели его в знаменитое поместье, там он без помех беседовал с Мэй Бартрем, а в Лондоне ему порою удавалось подбить ее хотя бы ненадолго оставить почтенную родственницу в одиночестве. В таких случаях они отправлялись в Национальную галерею или Кенсингтонский музей и там, окруженные живыми образами Италии, много говорили об этой стране, но, в отличие от первой встречи в Везеренде, уже не пытались возратить вкус и запах своей юности, своего неведения. Тогда возвращение вспять сослужило им службу, немало дало обоим, и, как считал Марчер, теперь их лодка уже не мешкает в верховьях дружбы, а энергично плывет по ее течению. Они в буквальном смысле слова плыли вместе; в этой совместности наш джентльмен так же не сомневался, как и в том, что возникла она благодаря кладу знания, сбереженному Мэй Бартрем. Он своими руками выкопал это маленькое сокровище, открыл его дневным лучам, вернее сказать — сумеречному свету их сдержанной, сокровенной близости, добыл драгоценность, которую сам же запрятал, а потом так необъяснимо долго не вспоминал о тайнике. Наткнувшись на него и радуясь поразительной удаче, Марчер ни о чем другом уже не думал; несомненно, мысли его куда чаще обращались бы к столь странному провалу памяти, когда бы не были поглощены предвкушением успокоительной поддержки в будущем — поддержки, из-за этого провала особенно неожиданной. Марчеру никогда и в голову не приходило, что кому-то случится «узнать», — главным образом, потому, что он никому не намеревался довериться. Откровенность была под запретом, она лишь позабавила бы равнодушный свет. Но уж если неисповедимая воля судьбы заставила его в юности, как бы наперекор самому себе, поделиться своей тайной, он рассчитывал извлечь теперь из этого величайшую пользу и отраду. *Случилось* узнать той, на кого можно было